

The facts in the case of M. Valdemar

Of course I shall not pretend to consider it any matter for wonder that the extraordinary case of M. Valdemar has excited discussion. It would have been a miracle had it not — especially under the circumstances. Through the desire of all parties concerned to keep the affair from the public, at least for the present, or until we had further opportunities for investigation — through our endeavours to effect this — a garbled or exaggerated account made its way into society, and became the source of many unpleasant misrepresentations; and, very naturally, of a great deal of disbelief.

It is now rendered necessary that I give the *facts* — as far as I comprehend them myself. They are, succinctly, these: —

My attention, for the last three years, had been repeatedly drawn to the subject of mesmerism; and, about nine months ago, it occurred to me, quite suddenly, that in the series of experiments made hitherto, there had been a very remarkable and most unaccountable omission — no person had as yet been mesmerised *in articulo mortis*. It remained to be seen, first, whether, in such condition, there existed in the patient any susceptibility to the magnetic influence; secondly, whether, if any existed, it was impaired or increased by the condition; thirdly, to what extent, or for how long a period, the encroachments of Death might be arrested by the process. There were other points to be ascertained, but these most excited my curiosity —

Что случилось с господином Вальдемаром

Я ничуть не удивляюсь тому, что необычайное происшествие с господином Вальдемаром наделало столько шума. Было бы чудом, если бы этого не случилось — особенно при данных обстоятельствах. Несмотря на желание всех заинтересованных лиц скрыть это дело от публики, по крайней мере на время, до более обстоятельного исследования, несмотря на все наши старания в этом смысле, искаженные или преувеличенные слухи о нем распространились и послужили источником разных нелепостей и в то же время, естественно, возбудили недоверие.

Это обстоятельство заставляет меня сообщить факты в том виде, насколько они известны мне самому. Вот они вкратце.

В последние три года я много занимался месмеризмом, а месяцев девять тому назад мне совершенно неожиданно пришло в голову, что в массе опытов, проводившихся до недавна, есть поразительное и непонятное упущение: до сих пор никто не был месмеризован *in articulo mortis*¹. Интересно было бы узнать, во-первых, доступен ли такой пациент месмерическому влиянию; во-вторых, если доступен, то усиливается ли оно или ослабляется при данных условиях; в-третьих, до какой степени и как долго разрушительная деятельность смерти может быть задержана месмерическим состоянием? Можно было бы выяснить и различные

¹ В состоянии агонии (*лат.*).

the last in especial, from the immensely important character of its consequences.

In looking around me for some subject by whose means I might test these particulars, I was brought to think of my friend, M. Ernest Valdemar, the well-known compiler of the 'Bibliotheca Forensica,' and author (under the *nom de plume* of Issachar Marx) of the Polish versions of 'Wallenstein' and 'Gargantua.' M. Valdemar, who has resided principally at Harlem, N. Y., since the year 1839, is (or was) particularly noticeable for the extreme spareness of his person — his lower limbs much resembling those of John Randolph; and, also, for the whiteness of his whiskers, in violent contrast to the blackness of his hair — the latter, in consequence, being very generally mistaken for a wig. His temperament was markedly nervous, and rendered him a good subject for mesmeric experiment. On two or three occasions I had put him to sleep with little difficulty, but was disappointed in other results which his peculiar constitution had naturally led me to anticipate. His will was at no period positively, or thoroughly, under my control; and in regard to *clairvoyance*, I could accomplish with him nothing to be relied upon. I always attributed my failure at these points to the disordered state of his health. For some months previous to my becoming acquainted with him, his physicians had declared him in a confirmed phthisis. It was his custom, indeed, to speak calmly of his approaching dissolution, as of a matter neither to be avoided nor regretted.

When the ideas to which I have alluded first occurred to me, it was of course very natural that I should think of M. Valdemar. I knew the steady philosophy of the man too well to apprehend any scruples from *him*; and he had no relatives in America who would be likely to interfere. I spoke to him frankly upon the subject; and, to my surprise, his interest seemed vividly excited. I say to my surprise; for, although he had always yielded his person freely to my experiments, he had never before given me any tokens of sympathy with what I did. His disease was of that character which would admit of exact calculation in respect to the epoch of its termination in death; and it was finally

другие вопросы, но вышеперечисленные особенно интересовали меня; главным образом последний — ввиду его важного значения.

Раздумывая, где бы найти подходящего пациента, я вспомнил о своем приятеле, мистере Вальдемаре, известном составителе компиляций для «*Bibliotheca Forensica*»¹ и переводчике (под псевдонимом Иссахара Маркса) «Валленштейна» и «Гаргантюа». Господин Вальдемар, проживавший с 1839 года главным образом в Гарлеме, штат Нью-Йорк, замечателен (точнее, был замечателен) своей крайней худобой — ноги у него не толще, чем у Джона Рандольфа. Другая замечательная особенность его наружности — совершенно седые, белые усы, представлявшие резкий контраст с черными как смоль волосами, из-за чего многие думали, что он носит парик.

Крайняя нервозность делала его весьма подходящим объектом для месмерических опытов. Раза два или три я усыплял его без всяких затруднений, но совершенно разочаровался в результатах. Воля его никогда полностью не подчинялась моему контролю, а в отношении ясновидения опыты оказались совсем неудачными. Я приписывал эти неудачи его расстроенному здоровью. За несколько месяцев до нашего знакомства врачи определили у него чахотку. Впрочем, он совершенно спокойно говорил о своей близкой кончине как о неизбежном событии, которое нельзя отклонить и о котором не стоит горевать.

Когда вышеупомянутая идея пришла мне в голову, я, естественно, вспомнил о Вальдемаре. Я слишком хорошо знал его философские взгляды, чтобы опасаться каких-либо предрассудков с его стороны; а родственников у него не было, по крайней мере в Америке. Итак, я решил поговорить с ним откровенно. На удивление, он отнесся к моему плану с большим сочувствием и интересом. Я говорю: на удивление, так как хотя он всегда охотно соглашался на мои эксперименты, но никогда не обнаруживал интереса к ним. Болезнь его была такого рода, что позволяла точно опре-

¹ Судебная библиотека (лат.).